

Хэ Боюань специально выкроил время, чтобы встретиться с Фан Цзинфэй и её сыном.

Сян Сяобао совсем не походил на Линь Шо — он был точной копией матери. Когда они стояли рядом, казалось, их отлили в одной форме. Разве что в чертах Сяобао сквозила живая мальчишеская беспечность. Увидев Хэ Боюаня, он тут же бросился к нему, обнял и звонко крикнул:

— Дядюшка!

В детстве Хэ Янь часто завидовал Сян Сяобао. Он тоже мечтал вот так просто подбежать и обнять Хэ Боюаня, но никогда не смел сделать к отцу и шага. Ему оставалось лишь молча наблюдать со стороны.

Хэ Боюань сохранял привычное бесстрашие, позволяя Сян Сяобао виснуть на себе. Когда мальчик наконец отстранился, председатель перевёл взгляд на Фан Цзинфэй:

— Как ты? Всё в порядке?

Фан Цзинфэй улыбнулась:

— Да, всё хорошо. А-Тао очень заботлив.

С тех пор как она очнулась, все твердили, что Хэ Боюань души не чает в своей кухне. Но Фан Цзинфэй почему-то всегда чувствовала между ними невидимую преграду, слой за слоем отделявшую её от него. Холодность Хэ Боюаня вызывала у неё безотчётную тревогу, и она искренне не понимала, почему её сын так тянется к нему.

— Это главное, — коротко отозвался Хэ Боюань.

Сян Сяобао тут же вставил свои пять копеек, желая выслужиться:

— Дядюшка, не волнуйся, мы с папой будем беречь маму!

Хэ Боюань кивнул и, встав, жестом пригласил их на прогулку.

Июньский сад утопал в зелени. Главная резиденция семьи Хэ насчитывала более двухсот лет истории: за века расширений и перестроек поместье превратилось в настоящий дворцовый ансамбль. Фан Цзинфэй шла вслед за Хэ Боюанем по извилистому мостику. В её сознании всплывали смутные образы из прошлого. Она смотрела в спину брата, и ей казалось, что перед ней высится неприступная гора — огромная, тёмная, давящая, не дающая вздохнуть.

Фан Цзинфэй не выдержала и позвала:

— Брат...

Хэ Боюань остановился и обернулся. Время было милостиво к ней, почти не оставив следов на лице. К тому же она жила в неге и покое, поэтому выглядела гораздо моложе своих сорока восьми. И всё же она была уже не той девочкой, что прежде.

Каждый должен нести ответственность за свой выбор.

В двадцать лет Фан Цзинфэй выбрала любовь и Линь Ицина. В тридцать — надёжность и отца Сян Сяобао. Теперь ей предстояло самой пожинать плоды этих решений. После смерти Линь Ицина Хэ Боюань мог оградить её от сплетен и разобраться с «оставшимися проблемами». Пока муж Цзинфэй относится к ней достойно, председатель готов давать этой семье всё, что они попросят.

Но он не мог прожить жизнь за неё.

Даже если она что-то вспомнила, даже если снова называла его «братом», он не мог сделать большего.

— Раньше тебе нравилось здесь играть, — безэмоционально произнёс Хэ Боюань.

Длинный извилистый мост казался лабиринтом.

В детстве, когда мир был совсем крошечным, здесь можно было провести целый вечер, бегая туда-сюда. Под мостом цвели лотосы; их листья, колышущиеся на ветру, были выше ребёнка. Когда порыв ветра раздвигал их, открывались цветы — розовые и белые. Одни ещё были тугими бутонами, готовыми вот-вот лопнуть, другие — огромными распустившимися чашами, в центре которых, казалось, восседает прекрасная Гуаньинь.

Фан Цзинфэй чувствовала, что всё это ей знакомо и в то же время бесконечно чуждо. Совсем как Хэ Боюань перед ней.

Собравшись с духом, она наконец заговорила:

— Брат... У А-Тао возникли кое-какие неприятности. Ты не мог бы ему помочь?

— Он сам нарушил торговое законодательство, — отрезал Хэ Боюань. — Пусть платит штрафы, как положено.

Он не был ни богом, ни властелином мира, чтобы одним словом заставлять иностранные правительства идти на уступки. Он не стал бы делать этого даже в своей стране.

Если человек живёт слишком нагло, он быстро находит свою погибель.

Хэ Боюань внимательно посмотрел на Фан Цзинфэй. Когда она была с Линь Ицином, в её глазах тоже порой сквозила печаль, но она никогда не была такой — нерешительной, подавленной, вынужденной переступить через себя, чтобы просить о милости.

Глядя на кузину, растерявшую былой блеск, Хэ Боюань не стал, как раньше, предлагать помощь сам. Он наблюдал за её метаниями, и в памяти внезапно всплыл Линь Шо. То, ради чего Сян Сяобао и его отец лезли из кожи вон, Линь Шо отверг, даже не задумываясь.

Потрясающая глупость.

Будь Линь Шо послушным и ласковым, как Сян Сяобао, разве Хэ Боюань отказал бы ему в чём-то?

Видя, что Фан Цзинфэй всё ещё мучается, Хэ Боюань отвернулся и медленно пошёл дальше по мосту.

Она всё же выпалила:

— Брат, ты не мог бы помочь А-Тао с обратными средствами? Чтобы наладить дела...

Хэ Боюань замер и, как всегда, уступил:

— Хорошо. Пусть пришлёт отчёт об оценке.

Фан Цзинфэй выдохнула с облегчением.

Но вместе с этим облегчением в груди возникла пустота, будто что-то важное навсегда исчезло.

Жаль только, она никак не могла вспомнить, что именно.

Почему Хэ Боюань так добр к ней? Стоит ей открыть рот, и он никогда не отказывает. Неужели дело лишь в детской привязанности? Но она чувствовала, как эта связь истончается, грозя вот-вот оборваться навсегда.

Запоздало Фан Цзинфэй осознала, что все эти годы Хэ Боюань только и делал, что выручал её

мужа, в то время как она сама даже не звонила ему просто так. Да, он занят, у него нет времени на пустую болтовню, но вспоминать о нём лишь тогда, когда нужны деньги... Это было — слишком.

Фан Цзинфэй поспешила за ним, неуклюже пытаясь завязать разговор:

— Брат, как ты сам? Всё хорошо?

Хэ Боюань слушал её натянутую заботу, и ему стало скучно.

— Нормально. Мне нужно работать, — он мельком взглянул на Хэ Яня, который тенью следовал за ними. — Развлеки тётушку Фэй и Сяобао.

Хэ Янь, осознав, что отец обращается к нему, вздрогнул и закивал:

— Конечно! Всё сделаю, обещаю, накормим и выгуляем по высшему разряду!

Хэ Боюань смотрел вслед возбуждённому сыну, увозящему гостей, и снова невольно подумал о Линь Шо.

Ему вдруг пришло в голову, что это действительно — прекрасный цветок в навозной куче.

Да, его собственный сын был тем самым навозом.

В это время Линь Шо лежал на кровати Шэнь Южун; они завалились спать прямо в одежде, по разные стороны матраса.

Проснулись они только к вечеру.

Линь Шо открыл глаза первым. Шэнь Южун вскоре тоже зашевелился.

Они переглянулись и одновременно сели.

Южун не раз подумывал о том, чтобы сойтись с Линь Шо и жить вместе, но стоило им оказаться в одной постели, как всякое желание пропадало. В конце концов, сексуальная гармония — залог успешного союза, а тут... Шэнь Южун с сожалением отбросил эту мысль.

Они умылись, и Линь Шо вызвался приготовить ужин в счёт «платы за постой». После еды на

него снова накатила головная боль.

Он так безрассудно прогулял целый день — бог знает, какой скандал закатит Хэ Янь.

Но Линь Шо не хотел видеть Сян Сяобао. Ни единого мгновения больше.

Единственное, что он мог сделать — это держаться подальше. Когда ты далеко, в душе не закипает горечь. Когда ты далеко, тебе не нужно видеть, как женщина, которая должна быть твоей матерью, в любом споре встаёт на сторону другого.

Его мир всегда был одиноким островом. Линь Шо старательно возводил крепостные стены, строя свою тихую, безопасную гавань. Но жизнь порой не знает жалости: она вламывается без предупреждения, рушит укрепления и превращает любовно выстроенный порядок в хаос.

Никто не станет смотреть на руины. Ему придётся самому, тратя долгие часы и дни, восстанавливать всё из пепла.

Линь Шо подхватил Фаньтуаня и направился к выходу.

— Куда ты так торопишься? — окликнул его Шэнь Южун. — Спешешь вернуться к своему мучителю? — Он потащил Линь Шо к выходу. — Пойдём в супермаркет, куплю твоему коту чего-нибудь вкусного.

Линь Шо не смог отказать. Они долго бродили между рядами, и в итоге, нагруженный огромным пакетом корма, он сел в машину Южуна.

Тот довёз его до самого дома.

В окнах квартиры горел свет.

Линь Шо прижал к себе кота.

Шэнь Южун понимал, что отговаривать бесполезно, поэтому лишь махнул рукой на прощание:

— Удачи. Надеюсь, завтра мне не придётся навещать тебя в травматологии.

— Всё не так страшно, — отозвался Линь Шо.

— Не страшно? — хмыкнул Южун. — Тогда почему ты заставил меня кружить по магазину лишний час? — Он всмотрелся в лицо друга. — Линь Шо, я никогда тебя таким не видел. Может, подняться с тобой?

— Не мешай, — устало выдохнул тот.

— Ладно, не буду. Иди, — Южун похлопал его по плечу. — Завтра обязательно позвони, доложи, что жив.

Линь Шо действительно чувствовал себя неуверенно как никогда.

По правде говоря, у них с Хэ Янем ещё не было настоящих конфликтов. Тот презирал его, искал встречи только ради секса, но позже, когда Линь Шо пошёл работать в Корпорацию Хэ и они завели кота, лёд тронулся. Хэ Янь даже в постели стал вести себя не так грубо.

Драки Линь Шо не боялся. Он боялся другого — что в запале может покалечить Хэ Яня.

А это было бы трудно объяснить.

Перехватив кота поудобнее, Линь Шо открыл дверь и вошёл в прихожую. Сняв обувь, он замер. Хэ Янь спал на диване, даже не укрывшись. С закрытыми глазами его лицо казалось почти детским, лишившись привычной надменности.

Фаньгуань тихо мяукнул, переводя взгляд с одного хозяина на другого.

Линь Шо отнёс кота в его корзинку и вернулся к дивану, намереваясь перенести Хэ Яня в спальню. Лето выдалось жарким, но под кондиционером легко можно было простудиться.

Едва его руки коснулись плеч Хэ Яня, тот открыл глаза.

Их взгляды встретились.

Проводив Фан Цзинфэй и её сына на самолёт, Хэ Янь тут же помчался к Линь Шо.

Но его дома не оказалось.

Сначала он был в ярости, но, просидев в пустой гостиной полчаса, невольно начал вспоминать всё, что их связывало в этом доме. Если бы не посторонние, у них всё было бы отлично! Зря он потащил Линь Шо к кухне и Сян Сяобао, решив прихвастнуть своим «призом».

Сян Сяобао вёл себя отвратительно, так что гнев Линь Шо был вполне оправдан.

Хэ Янь всматривался в тревожные глаза режиссёра. Тот явно ждал вспышки гнева. И этот Линь Шо — злой, обеспокоенный, сомневающийся — казался ему куда более настоящим, чем тот, что всегда с улыбкой лез целоваться.

Маска, которую Линь Шо так старательно носил, давала трещину.

Хэ Янь резким движением перевернулся, придавливая Линь Шо к ковру. Он не отрывал взгляда от его лица, замечая, как тот инстинктивно нахмурился.

Раньше он был подонком.

Да и сейчас не лучше.

Хэ Янь принялся. От Линь Шо за версту разило чужим запахом — тот явно весь день провалялся в чужой постели. Ярость мгновенно вскипела в груди.

— Ты весь день был с этим Шэнь Южуном?! — прорычал он.

Линь Шо промолчал, что было равносильно признанию.

Прошлая ночь стала для него персональным адом.

Он стоял один против всех, пока Хэ Янь и Фан Цзинфэй были на стороне Сян Сяобао.

Он не мог перетянуть на свою сторону ни одного из них.

И он нанёс единственный удар, на который был способен в этой безнадёжной ситуации.

Видите? У Сян Сяобао есть мать и двоюродный брат, а у него есть друзья.

Люди, которые придут по первому зову и встанут за его спиной.

Даже если что-то ему не суждено получить, он не останется ни с чем.

Он будет бороться и строить свою жизнь сам.

Конечно, он не собирался говорить об этом Хэ Яню. Он не лез в дела наследника и не хотел, чтобы тот лез в его душу. Через три года их пути разойдутся, и они станут чужими людьми.

Линь Шо просто молча смотрел на него.

Хэ Янь хотел лишь припугнуть его, но, встретив этот спокойный взгляд, сорвался. Он подхватил Линь Шо на руки, вихрем влетел в спальню и швырнул его на кровать.

Не давая опомниться, Хэ Янь придавил его своим телом и зашипел в самое лицо:

— Ты что, считаешь себя правым?! Сбежать с этим типом смотреть рассвет, прогулять работу — и ты ещё думаешь, что имеешь на это право?!

Линь Шо хотел было возразить, но Хэ Янь не дал ему вставить и слова:

— Я виноват, что притащил тебя к ним, признаю. Они посмотрели твой фильм, хвалили тебя, вот я и подумал — пусть познакомятся. Я не знал, что Сяобао начнёт на тебя наезжать... — Он крепче прижал Линь Шо к себе. — Я просто не сразу сообразил, что происходит. Сяобао — избалованный ребёнок, он всегда так разговаривает...

Линь Шо не сопротивлялся.

— Я понимаю, что тебе было паршиво, и ты не хотел с ним связываться, поэтому и позвал Южуна, — продолжал Хэ Янь, в упор глядя на него. — Но ты же обещал мне. Сам обещал! Что если что-то случится — скажешь мне первому, а не побежишь к другим.

Взгляд Хэ Яня был слишком пристальным, слишком горячим. Линь Шо стало не по себе. Он чувствовал, как ситуация выходит из-под контроля, но не понимал, в чём именно дело.

— Так что я тебя накажу, и это будет справедливо, ясно? — Хэ Янь навис над ним.

Линь Шо вдруг ощутил странное облегчение. Вот теперь это был его привычный Хэ Янь.

Он обвил шею любовника руками, мимолётно коснулся губами его щеки и спросил:

— И как ты меня накажешь?

Сердце Хэ Яня болезненно сжалось. Он ловил каждую эмоцию на лице Линь Шо. Когда он извинялся и говорил по-человечески, Линь Шо напоминал настороженного кота: он был напряжён, будто ждал удара ножом. Но стоило Хэ Яню «обнажить клинок», как Линь Шо расслабился. Будто получить удар было проще, чем слушать нежности.

— Сегодня ты не уснёшь! — свирепо пообещал Хэ Янь.

Слова звучали угрожающе, но его движения стали непривычно осторожными.

Линь Шо безропотно принимал это «наказание».

Хэ Янь готов был буквально врасти в него, раствориться в его теле.

Он хотел сказать, что вовсе не хочет причинять ему боль.

Но знал — Линь Шо не поверит.

Никогда не поверит.

Только сейчас, когда их сердца были бесконечно далеки друг от друга, Линь Шо позволил ему подойти ближе.

<http://bllate.org/book/17574/1714519>